

НЕЧТО ИНОЕ

Орган зрения, слуха, вкуса, обоняния и осязания

ВЫПУСК ТРЕТИЙ, 01.04.13

Рассказ о Полине, девушке с неблагозвучным отчеством (в сокращении)

Ляля Нисина

Поля и Арик были детьми литейщика Хуны Попивкера. Хуна был мужчиной здоровенным, что особенно бросалось в глаза, если рядом с ним стояла его жена Соня. Хуна возвышался над ней башенным краном, а Соня рядом с мужем казалась еще меньше. Семиклассник Арик ростом догнал отца, а маленькая Поля уродилась в мать.

...По выходным сидел Хуна в сарае, где оборудовал мастерскую и ремонтировал машины и мотоциклы. Его особенно ценили за умение отлить на заводе почти любую деталь. Туда в сарай к нему приходили друзья, там он с ними выпивал «с устатку». Появившись к ужину, Хуна молча клал перед Соней все заработанные деньги. Заначки ему были не нужны — выпивку и закуску благодарные клиенты несли сверх оговоренной цены, а больше он, стараниями Сони, ни в чем не нуждался.

Детей своих Хуна называл «котятками»: «кэцэлэ Поля» и «кэцэлэ Ари»...

...Училась «котятка» Попивкеры хорошо. Проблем с учебой, да и с поведением не возникало. Аркашка, играючи, окончил школу почти со всеми пятерками. Как ни отговаривали его родители, он настоял на своем: поступил в военное училище в Тамбове. Домой приезжал на короткие побывки. После училища уехал в Забайкальский военный округ, откуда присылал ежемесячные послания типа: «Жив-здоров-служба-идет!» и открытки к праздникам.

Полинка заканчивала школу. В десятом классе она поднажала на математику и вышла круглой отличницей по всем предметам, кроме физкультуры и труда по дереву и металлу.

...Решили, что Поля будет поступать в пединститут. Хуна, покопавшись в памяти, вспомнил клиента — доцента местного пединститута. Доцент, рад-

радешенек, что так легко станет клиентом номер один, твердо обещал помочь. Полинка поступила на отделение русского языка и литературы. Все были довольны, даже сама Полинка. Группа собралась хорошая, девочки и редкие мальчики-филологи жили дружно. Училась Поля отлично, получала повышенную стипендию, было групповым профоргом, собирала членские взносы и сидела на собраниях в президиуме. Жила она дома, помогала маме, и родители не могли нарадоваться на будущую учительницу. Стараниями того же доцента, на практику Полю направили в хорошую школу, что на улице Ленина у входа в парк. Соня в своем ателье заказала ей замечательный костюм из офицерского парадного сукна, купила две новые блузки из нейлона: одну белую с кружевным жабо, вторую голубую, под костюм.

И вот первый день практики настал. Директор сам представил их учителям. Полиным учителем оказалась Надежда Семеновна, очень приятная доброжелательная учительница средних лет. Она расспрашивала Полю по дороге в класс, предложила сразу провести урок, представила ее своим восьмиклассникам. Надежда Семеновна рассказала детям, что к ним направили студентку-отличницу, профорга группы, и что в школе она тоже училась отлично, и что много стихов знает, и что сама потихоньку стихи пишет.

«Так давайте поздравим, — завершила свою речь Надежда Семеновна, — Полину... — она вопросительно посмотрела на Полю: как, мол, твое отчество, — Полину...»

«Хуновну!» — подсказала Поля «Хун-но-вну... — упавшим голосом произнесла Надежда Семеновна. — С первым уроком!» (продолжение на стр.3)

Афоризмы

Сергей Федин

В лени жил! В лени жив! В лени буду жить!

Не убий своё и не укради чужое время! Сколько хороших людей было замучено совестью!

Я создал бога, сотворившего меня.

Мечта — это радуга, соединяющая Сегодня и Завтра.

Бездарность — разновидность лени.

Красота — иероглиф счастья.

Главное достоинство школы в том, что она не оставляет ребенку времени на другие глупости.

Плохо, когда голова, набитая опилками, соединяется с зажигательным темпераментом.

Дельтапланеристов развелось столько, что они уже стали гадить на прохожих.

По уму встречаются только на нудистском пляже.

Воздушные замки гораздо долговечнее настоящих.

Приступ лени — преступление!

Юмор — это щекотка парадокса.

Может ли человек без царя в голове считать себя демократом?

Свиньи тоже бывают порядочными!

У каждого из нас есть лестница в Небо, но большинство использует её по хозяйству.

Море — вот в чём соль!

Держись от греха подальше, но не теряй его из виду!

Мы в ответственности за тех, кого приучили быть безответственными.

Какими недалекими порой бывают наши близкие!

Не так страшен волк в овечьей шкуре, как осёл — в львиной.

Лучше быть последним среди пастухов, чем первым среди баранов.

Три дня и три ночи качался Шварценеггер, пока у него не сломалось кресло-качалка.

Après ль?

М. Бредозный

От будильного трезвона
своды Тартара дрожат!
Бдит животное Ворона,
утварь бодрствует Ушат!

Ни один сустав не контролируя,
как же передам потомкам лиру я?

и вот

живот

Все перепуталось,
как в доме у Облонских:
мне не найти родные берега;
сiju на нарах,
как на реках Вавилонских,
а мимо проплывает труп врага.

попкорное стадо

из-за темени — нате вам! —
вновь на темени вмятина

за суши жена засужена
за щи ж она пощажена

У кого что delete.

Легко одет? Легкоатлет.

нетути

нету те-
нету те-
нету те-
ни в те-
мноте

Auch kleine
Arthrose
ist keine
Art Rose.

промискуитет = коитус терпим

При помощи петли шелковой
свел счеты с жизнью белковой.

из тумана
выступал
истукана
пьедестал

кому пляж
кому плац

кому пляс
кому плач

Не все то золото, что молчит.

не обнимется никак
с Ъ Ъ:
между ними злыдены Ъ
крепостные вЪрЪл рвЪл

цепень слепень плесень
выползень и слизень
всюду всюду жизнь

из шинели
из шинели
низшие ли?
излишние?

т8плесс?
утопли-с!

Вид крупных трупных пятен
не каждому приятен.

Забываете пароли?
Мало, видимо, пороли.

Как от липки до калитки
липкие ползли улитки,
оставляючи на плитке
липкие свои улики.

После нас лишь вещдок.

Маленькие дети, ни за что на свете
don't go riding on that long black train.

В описанный у Проппа дом
когда-нибудь войдем
и пропадом, и пропадом
немедля пропадем.

по ночам
жен обитель
изучал
небожитель

Правило правой руки: не ведать, что
делает левая.

с точки зрения жука, жизнь жутка
с точки зрения плевка, жизнь легка
с точки зрения планет, жизни нет

Как прыгнули в аквариум,
так и не разговариваем.

Лисице, чтобы сыру съесть,
нужна не лестница, но лесть.

У Петра
и у Ивана
с самого утра
нирвана.

Найдя железа залежи,
не в золоте ли зажили?

жил не по лжи
и еще немножко шил

Зимую кома, летом амок,
и жажде корма нету рамок,
пока прозрачная корма
вся не становится мокра.
(комар)

Баритон, опасаясь аварии,
Весь полет репетировал арии.
И сошел он в Лаосе,
Вовсе обезголосев

~~~~~

*****

Сенсация! Обнаружен край све

Р Р Р

Рассказ о Полине, девушке с неблагозвучным отчеством

Ляля Нисина

(продолжение со стр.1)

Дети захопали, никто из них и внимания не обратил на заминку. Поля провела урок, рассказывала детям о Пушкине, о царе Николае, о Дантесе и Наталье Гончаровой. Рассказывала она интересно, дети слушали, задавали вопросы. Поля успела прочитать два стихотворения из любовной лирики Пушкина. Надежда Семеновна потом её хвалила, а за чтение стихов особенно.

«Поля, а как твоего папу зовут? — спросила Надежда Семеновна после урока. «Хуна! — сказала Поля и впервые почувствовала себя неловко с отчеством «Хуновна».

«А моего звали Сеппо, я наполовину финка, так что я Надежда Сепповна. Училась я в Ленинграде, работала в Ленинградской области. Там такие отчества не в диковинку. А потом замуж вышла, сюда приехала и поменяла ближе к местному — Семеновна. И тебе советую. Отчество, как бы это сказать...» Надежда Семеновна замялась, покраснела.

Практику Полина защитила на отлично. Дети, правда, как сговорившись, называли её Полина Гуновна, но Надежда Семеновна сказала, что это даже хорошо, что у них её имя эдак трансформировалось. В следующем году Полинке выходило заканчивать учебу, и Хуна загодя договаривался с доцентом о направлении.

«В распоряжение горono! — объявил он Соне. — Один уже уехал черт знает куда, а кэцэлэ не пушу!»

Доцент обещал. Деньги были ему плачены немалые, а машина, само собой, разумеется, была еще на долгие годы обеспечена ремонтом. И всё бы сложилось, но...

Как бывает в самый солнечный летний день, в самый разгар пикника или еще какого праздника, — неожиданно-негаданно, как по волшебству, припустит дождик. И расползаются под струями воды бумажные украшения, и плачет именинница, прижимая к груди кремовый торт с залитыми водой свечками. А что сделать? Против природы не попрёшь!

Накануне распределения, нашли шалуна доцента на диване на кафедре педагогики. Бездыханным и, простите, без штанов. Кого он так страстно экзаменовал, осталось загадкой. Жена доцента во всеуслышание объяснила, что слу-

чались у него пару раз приступы сердечные и он, доцент, тогда раздевался и ложился отдохнуть. Вот именно такой приступ и застал его в кабинете за научной работой, и он, раздевшись, будто бы, отдохнуть прилег. Ну и трусы, видимо, снял, чтобы сердце ровнее билось. «Грех какой!» — смеялись студенты.

Нехорошо смеяться, всё-таки человек умер. Но ни деканат, ни партком ничего не могли поделать, — смешно.

Так вот, на Полинку случай этот оказал самое неожиданное влияние. Распределение было через три дня. Хуна, как не старался, но за три дня найти запасной ход в институт не смог. И распределили Полинку в село Лепехи, Мурованокурловецкого района. Школа небольшая: девять учителей и директор.

«Надо укреплять сельские школы молодыми кадрами! — с пафосом провозгласил декан факультета. — Полина Попивкер у нас отличная студентка, она качество образования всему району повысит!»

И улыбался при этом очень ехидно. Ну, ни дать ни взять — желтый крокодил — прозвище в точку.

Полинка распрощалась с соседями и институтскими подружками. И не очень её даже удивило, что Наташка Дзыга распределилась как раз в ту школу, где она, Полина, проходила практику. Не такая она, Поля, наивная, понимает, почему Наташка в кабинет к желтому крокодилу бегала. А теперь Наташка даже попрощаться с ней не хотела по-человечески. Буркнула «Пока!» — и ходу! Как будто не списывала она у Полины все четыре года задания, как будто не готовились они вместе к экзаменам. Ну, ладно, как совесть подсказет... Хуна взял на работе отгул, Соня тоже в ателье подменилась, чтоб дочку проводить. С утра грузили в машину книги, платья, постель, даже посуду. Квартиру в Лепехах ей нашли отличную: полдома — три комнаты и дешево. На другой половине жили пожилые тетя Валя и дядя Витя. Дети их уехали, живут далеко, приезжать им некогда. Обещали они за Полинкой присмотреть. Да и обижать её в селе некому — все на виду. С тем и попрощались.

С работой у Полины, правда, сложилось хорошо. Вела она русский и украинский, а еще факультатив по эстетике, да еще для души сагитировала детей организовать свой театр. Они пьесы

ставили, в клубе показывали. Зритель было — не протолкаться.

Детей в школу привозили из трёх соседних сел автобусами, зимой часто застревавшими в снегу, а весной и осенью в непролазной грязи. Уроки начинались только тогда, когда до школы добирались все три автобуса. Полинке очень нравилась школа, дети, её театр. Она еще и в совхозный хор записалась. Месяца через три признали её и родители школьников. Стали через детей передавать ей то сметаны баночку, то яички. Замдиректора совхоза дрова выписал, еще и привез сам.

И всё бы хорошо, только вот... Не давало покоя Полинке, что все — и дети, и родители, а за ними даже учителя и сам директор, — называли её с первого дня не Хуновной, а Ху... сами, в общем, понимаете как. И не видели, главное, в этом ничего такого особенного. Мало ли какие у них, городских, отчества бывают. Кто — Львовна, кто — Дормидонтовна, а кто, сами понимаете, Ху...

Парни молодые к ней в клубе обращались уважительно, по-отчеству, то есть, опять-таки, Ху..., сами понимаете. И танцевать приглашали, и провожали домой. И Полина всегда плакала после этих провожаний. Ни один, ну просто ни один из них даже не попытался её поцеловать! А из рассказов молодых учительниц выходило, что отбоя от парней нет, и что местные городских очень предпочитают.

«Мы девушки культурные, опять же в чистоте себя содержим. Нас «а-натюрель» не застанешь!» — хвастались Галя и Надя — молодые незамужние учительницы. Жизнь у них была весёлая, чуть не каждый вечер гулянки. На уроки они приходили заспанные, часто с головной болью. Полинка слышала, что Надя прошлой весной делала аборт, и как раз во время выпускных экзаменов попала на три дня в райбольницу. Как же тут Полинке с ними соревноваться, когда она живёт с хозяевами, водки не пьёт, и чтобы до аборта дело дошло, не допустит!

А тут еще в начале нового года в школу, вместо ушедшего на пенсию старенького Иван Семеныча прислали молодого учителя математики. Галя с Надей совсем голову потеряли, проходу не давали: «Александр Григорьевич» то, «Александр Григорьевич» это.

(продолжение на стр.4-5)

Рассказ о Полине, девушке с неблагозвучным отчеством

Ляля Нисина

(продолжение со стр.3)

А Александр Григорьевич в первый же день работы, услышав от заглянувшего в учительскую Васьки Гмыри: «Я до Полены Ху...», самого Ваську отчитал за косноязычие и в коридор отправил. А потом к Поле подошел, извинился и спросил: «Будьте любезны, как Выше имя-отчество?» Поля прошептала: «Полина Хуновна!» И Александр Григорьевич провел воспитательную работу во всех классах. Дети сначала ошибались и иногда называли её по-привычке Ху..., но дело пошло, и всё чаще они чётко выговаривали «По-лы-на Хун-нив-на». Только за это стоило в Александра Григорьевича влюбиться наповал. Поля так и сделала. И жизнь её стала яркой, как будто кто-то ей протер очки, годами запорошенные серой пылью. Небо стало ярко голубым, а голые деревья ярко-коричневыми. Форменные платья и костюмчики детей переливались всеми оттенками шоколадного, а школьная доска стала лаково-черной, совсем как Полины туфли, купленные мамой Соней по большому благу в центральном обувном.

Но, опять-таки, наивно думать, что Александр Григорьевич, Саша, вот так просто обратит на неё внимание. Ростом она небольшая, но, и он, правда, тоже не гигант. Галя и Надя — девушки яркие, губы накрашены, грудь вперед. Поля губы тоже красила розовым, глаза оттеняла, но всё это чуть-чуть. И грудь её вперёд выпячивай-не выпячивай, а ничего выдающегося её вторым размером не изобразишь! Зато волосы у нее от природы вьются, и ресницы от природы черные и длинные. И глаза красивые, все говорят. Голубые и с ободком вокруг радужки. А нравятся ли Саше голубые глаза и кудрявые волосы?

И Полинка, не долго думая, пригласила его в школьный театр. Пусть видит, как её все слушают, как её дети любят! Потом предложила помочь с планами и методикой. Пускай видит, что не дурочка она! А он в ответ ей предложил помочь проверять сочинения. Так вот вдвоём и засиживались в школе допоздна. С помощью тети Вали, пекла Поля всю зиму пирожки, приносила в школу, угощала всех и Сашу, конечно. Пускай поймёт, что она и готовить любит, и печь умеет. Всю зиму вот так вокруг него плясала! Уже Галя и Надя отступились, а Полина — нет.

Весна пришла, Восьмое марта. Все дарили женщинам вербу и ольховые ветки. Директорова жена испекла торт. Большую перемену удлинити, и пили в учительской чай почти сорок минут. Паша-трудовик и Саша пели смешные частушки, про всех женщин по куплету. И про Полю сочинили. Сначала Пашка пел:

*«Наша Поля — режиссерит,
И поёт в народном хоре.
Как же мне найти пути,
Чтобы к Поле подойти?»*

А потом Саша по струнам ударил:

*«Я в театре стал играть,
Сочиненья проверять,
Только Поля ходит мимо,
Ничего не хочет знать!»*

Лица у Гали с Надей сделались, будто уксусу обе напильсь. Поняли, пропал Александр Григорьевич для них, не видать им его, как своих ушей. В общем, с того самого восьмого марта, любовь у Поли с Сашей началась нешутейная. В следующую субботу к Поле приехали мама с папой. С дочкой повидаться и с Сашей познакомиться. Соня еды привезла — стол ломился. Хуна с Сашей чуть не две бутылки водки уговорили. Он, Хуна, еще и отнёс Сашу на диван спать, а то в конце ужина Саша на ногах не держался.

«Во-о какого парня хорошего моя кэцелле оторвала!» — хвастался Хуна.

Наутро Саша головой маялся, есть не хотел. Соня его жалела, рассола от помидор соленых дала. Так и пролежал Саша у Поли до обеда. Потом родители уехали, а Саша остался. Поля у постели его сидела, по голове гладила, а потом оказалось, что Саше уже лучше. Потом и совсем хорошо стало.

И ему и Поле.

Через месяц такой любви горячей решили они поехать на выходные к Сашиным родителям, познакомиться. Жили родители Шаши в Городковке, что возле Крыжополя. Все родня его в Крыжополе жила, кроме одного знаменитого дяди, который на москвичке женился. Мама Шашина была библиотекарем, а папа заведовал магазином «Сельпо». Очень им Поля понравилась, встретили как родную, обхаживали её как принцессу, стол богатый накрыли...

В воскресенье всю родню пригласили: дядьёв с жёнами и с детьми и тётю Басю, сестру бабушкиного второго мужа, — родня, как не пригласить. Вот этой тётки Баси, скандал и начался.

«И как эту невесту зовут?» — тётя Бася спрашивает. Причем, спрашивает не у Поли или, скажем, Шаши, а в воздух. Ну, за столом тихо стало, никто на вопрос этот отвечать не хочет. Всем её мама Шашина при знакомстве представила, мол, Поленька, Поля. Раз все молчат, то Поля сама решила представиться, может, эта тётя Бася глуховата, не молоденькая, поди.

«Меня зовут Полина Хуновна!» — говорит, причем громко так.

«Как-как? — переспрашивает тетя Бася, — Ху-как, ху-что? Да она — хамка настоящая! Мне, пожилому человеку, в лицо такие слова! Ху...! Бесстыдница!»

Что тут началось за столом! Дети смеются, за животы держаться, дядья тоже не отстают, тем более что первую бутылку уже со стола пустую убрали. Жены их кривятся, как будто горчицы нанюхались, мол, «ах, ах, как неинтеллигентно!» Саша орет, всех перекрывает: «Не Ху...вна, а Ху-нов-на!». Скандал! Насилу успокоились.

Мама Шашина горячие закуски подала: пирожки с яйцом и луком, голубцы со сметаной. Вторую водочную бутылку пустую со стола на кухню отправили, снова выпили. И Саша стал объяснять: «Полиного папу зовут Ху-на! Имя такое, Ху-на! И Поля — Полина Ху-но-вна, а не Ху... сами понимаете!»

Тетя Бася носом засопела и спрашивает: «А что это за имя такое, — Хуна?»

Тут мама Шашина вперед высунулась и говорит: «Тётя Бася, вы ж «Просто Марию» каждый день по два раза смотрите! Марии кто ребенка сделал, а? Правильно, Хуан-Карлос! Мексиканское имя!»

Тетя Бася только хрюкнула и пододвинула тарелку с пирожками поближе. Ну, а дети до конца застолья успокоиться не могли: то один, то другой на Полю глянет и в тарелку фыркает. Сидели за столом долго и с удовольствием, потом посуду до полуночи мыли. Домой в Лепехи папа Шахин их на рассвете привёз. Понедельник отработали Саша с Полей в полусне, еле-еле добрались до кровати и уснули, даже не поевши. А часиков в девять разбудила их музыка. Играли под самым окном, гармонист с переливами выводил проигрыш между куплетами, а чистый, детский еще, голос Васьки Гмыри старательно выводил:

*«Жэнытысь будэ Ху...вна,
Знайшла соби х..!»*

*А дивка вона гарная,
Шкода, шо нэ моя!»*

Потом заиграли проигрыш, во время которого Полина успела вскочить с постели, сунуть босые ноги в сапожки и набросить халат. И снова:

*«Вэсилля видсвядкуемо,
Горилку будэм пыть!
И будэ наша Ху...вна
Сашка свого любить!»*

«Василий! — заорала, выскочив на крыльцо Поля. — Прекрати немедленно! Вот я матери скажу!» Из-за забора послышался сдавленный хохот, потом ребята побежали по тропинке. За углом, у сарая они остановились, и Васька запел новый куплет:

«В них диточки народяться...»

В этот момент Саша, успевший обежать вокруг дома, схватил Ваську за шиворот. Гармонист с товарищем побежали по сугробам, спотыкаясь, увязая в снегу, и хватаясь за покосившиеся заборы. Долго Саша в тот вечер утешал Полинку.

«Никогда, — плакала она, — никогда мне не избавиться от этого прозвища! Арик, брат, поменяй отчество, стал Ионовичем. Специально в музей ходил, спрашивал самое близкое к Хуне имя. А папа все равно ему не простил, говорит, что заслужить надо, чтоб никто над именем не шутил. А мне, что ли, всю жизнь Ху..вной быть? Саша, ну посоветуй, ты же умный!»

Заснули они после полуночи, уставшие, и так и не найдя никакого решения. На выходные поехали они к Полинкиным родителям. Мама Соня сразу увидела, что дочка не в настроении, стала расспрашивать, допытывалась до самого ужина. В конце концов, Поля не выдержала и, как раз перед тем как вернуться Хуна с Сашей, расплакалась и всё рассказала. И про Ваську Гмырю, и про частушки, и про Аркадия Ионовича, и про то, что она не хочет папу обижать, но и жить так тоже невтерпех.

Хуна с Сашей явились в самый разгар Полинкиных признаний. Весёлые пришли, довольные, по всему видно, что выпили и закусили в гараже основательно. «Соня, почему наша кэцэлэ плачет? — улыбаясь спросил Хуна. — Обидел кто, или что-то купить хочет? Что хочет — купим! — Он выложил на кухонный стол пачку денег. — А обидчика накажем. Вон, зять у меня, во-о какой парень!»

Долго в тот вечер сидели за столом Соня с Хуной напротив Поли с Сашей. Хуна сначала смеялся над Полинкиными слезами, потом голос повысил, чуть не криком доказывал, что всё это полная ерунда. Тут Соня вставила тихонько:

«Ты не понимаешь, Хуна, как девочке обидно: её матом обзывают сто раз на дню, а она должна и виду не показывать!» И опять возмущался Хуна, и доказывал Саша. И вопрос не решался.

Свадьбу назначили на самый конец июня после школьного выпускного вечера. Сразу после торжественной части Поинка с Сашей выбежали на улицу, где их уже дожидался Хуна. Но, ускользнуть незаметно не удалось. Васька Гмыря ворвался в зал, где уже погасили свет и начали играть первый вальс, с криком: «Григорич Ху...вну жэнытыся вэзэ!» На улицу высыпали и ученики и учителя. Кричали «Желаем счастья!» и «Горько!» (это уже одни парни кричали). Как машина тронулась, выпускники стали скандировать «Полина Ху..вна» и «Олексан Григорыч».

В город доехали совсем уже ночью, усталые. Наутро Соня еле-еле добудилась Поленьку. На девять утра была заказана парикмахерша, которая за два часа должна была причесать всю женскую половину гостей. На счастье, мастерица была с опытом, а потому явилась с помощницей. За два часа они начесали и лаком обрызгали обеих мам, и трех дядьевых жен, и двух Поленькиных подружек. Тётя Бася, приехала на свадьбу с тремя коробками: в самой большой коробке, что из-под вентилятора, было аккуратно уложено пятью слоями свадебное печенье-флудн; в коробке поменьше, которая из-под кастрюли-скороварки, лежали обернутые коричневой бумагой, три огромных копченых окорока; а в третьей коробке с надписью «Ботинки зимние утепленные. Тульчинская обувная фабрика», которую тётя Бася из рук не выпускала, лежал последний писк сезона — шикарный белокурый парик с локонами. По такому торжественному случаю тётя Бася решила не делать причёску на своих выцветших кудерьках, а вместо этого добить всех гостей бархатным платьем и белокурыми локонами под Мэри Пикфорд. Правда, нынешняя молодежь о Мэри не слыхала, но, «В конце-концов, есть же какая-нибудь современная белокурая жучка, от которой все парни слюни пускают!» — приговаривала тётя Бася, устраивая парик «по центру».

Свадьба была весёлая, много тостов, много музыки и танцев. Речи говорили родители, потом знаменитый Сашин дядя, который, наконец-то, привёз показать свою москвичку-жену. Потом говорил директор школы, потом директор ателье «Парад», потом начальник литейного цеха. Потом играли

«Семь-сорок» два раза, чтобы гостей расшевелить, и еще четыре раза гости сами заказывали и деньги музыкантам в барабан бросали. К середине свадьбы, когда гости так разогрелись, что, по выражению тёти Баси, «воду жлекали как лошади!», неожиданно явился Васька Гмыря с Оленькой Шлехтер и с букетом необыкновенно красивых роз со стеблями метровой длины. Васькин дед сторожил питомник роз в Луке-Мелешковской, вот Васька не поленился и приволок любимым учителям элитный букет.

«Цэ вам, Полина Ху...вна вид выпускныкив!» — гордо объявил он в микрофон. Поинка за голову схватилась: вот уже и винничкие друзья знают её позорное прозвище! Но, свадьба катилась своим чередом, музыка играла, тосты говорили. Тётя Бася с такими же внушительных размеров подружками танцевали, как они объявили, свадебный танец. Знаменитый парик съехал на правую сторону и грозил совсем упасть, но тётя Бася веселилась, что называется, до упаду. Гости пили и смеялись, официантки едва успевали убирать пустые бутылки, а музыка играла, заглушая Поленькины жалобы.

К девяти вечера, когда уже совсем стемнело, на такси лихо подкатил нежданный гость — брат Аркаша. Он, все-таки, выпросил отпуск на трое суток, не считая дороги, рассказывал, смеясь, что пришлось в штаб три ящика водки отвезти, по ящику за день. Мама Соня со слезами обнимала сына: «Денечки считая, когда увидимся! Не могу больше, скучаю, каждый день думаю, ночами не сплю. Папа, вроде бы, нашел клиента из штабных, обещали попробовать тебя в наш округ перевести». Аркашка в парадной форме смотрелся молодцом — вылитый Штирлиц. И отбою не было от подружек Полиных — все хотели с ним, ну, хоть разочек, потанцевать. И провозжать Аркашка после свадьбы сразу двух девушек пошёл — не растерялся. Расходиться начали только после часа ночи, прощались, желали счастья. Мамы новобрачных приглашали гостей приходиться завтра к часу дня, продолжать праздновать. Осталось столько еды, что пришлось арендовать в столовой большой холодильник. Но все эти хлопоты не интересовали Сашу с Полей, они сидели на диванчике под доской почета с огромным профилем Ленина, и смотрели друг на друга, всё еще не веря, что теперь они муж и жена и что это навсегда.

(окончание на стр. 8)

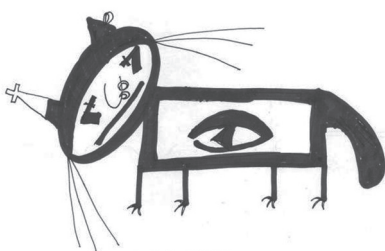
Владимир Друк

*
шлёп шлёп
шлёп шлёп
зырк зырк
шлёп шлёп
зык зык
цык
цыц!
тырк тырк
шмак шмак
крак крак
хрясь хрясь
вжик цжик
паф паф
ёпт!
ась
шмыг шмыг

*
шлёп шлёп
шлёп шлёп
о! а!
шлёп шлёп
шлёп шлёп
пуф пуф
эй! — о! — вау! — у!
чмок чмок
кис кис
шмыг шмыг
трах трах
ёпт клёпт
хрр хрр

*
о! = 0

**из книги “КОТЫ.
ИНСТРУКЦИИ”**
Виктор Перельман

Кот-гоп
(с т и ж и)

***

Про выдающегося математика, академика А. Д. Александрова (1912-1999) рассказывают много забавных историй. Вот только две из них.

Как аукнется...

Ректору Ленинградского Университета известному геометру профессору А. Д. Александрову на стол легло заявление «Прошу принять меня в ОСПИРАНТУРУ...» В ответ он наложил резолюцию «АТКАЗАТЬ».

(Цит. по книге: Славутский И.Ш. И в шутку и всерьез о математике. СПб., 1998)

Посочувствовал

В 40-е годы прошлого века А. Д. Александров, будучи уже маститым учёным, решил на спор прокатиться на трамвайной «колбасе» (так тогда назывался трамвайный буфер). Лихо вскочив на «колбасу», он помчался вместе с трамваем к следующей остановке. Но тут раздался свисток, и нарушитель был с позором снят с буфера милиционером.

— Ваши документы! — сурово обратился постовой к Александрову. Тот нехотя достал удостоверение профессора. Изучив документ, милиционер козырнул и почтительно сказал: — Продолжайте эксперимент, товарищ профессор!

***

Ошибка Императора

Как известно, Наполеон покровительствовал точным наукам (чего не скажешь о гуманитарных) и, в частности, поставил нескольких известных учёных на важные государственные посты. Так, в 1799 году он назначил министром внутренних дел великого математика Пьера Симона Лапласа (1749-1827). Однако уже через полтора месяца тот был уволен — дотошно вникая во всяческие канцелярские мелочи, он прозевал крупный заговор. В приказе Наполеона об отставке Лапласа было остроумно написано: «Уволить за внесение духа бесконечно малых в государственные дела».

Что и требовалось доказать

Безусловно, самым выдающимся российским математиком за последние два столетия был академик А.Н. Колмогоров, немало сделавший и в других науках — например, в филологии (кстати, он был оппонентом по докторской диссертации будущего академика-филолога Михаила Леоновича Гаспарова). Не все знают, что в первые студенческие годы Колмогоров посещал семинар по древнерусской истории, которой всерьёз интересовался.

Впоследствии он вспоминал: «Первым научным докладом, который я сделал в семнадцатилетнем возрасте в Московском университете, был доклад в семинаре профессора С.В. Бахрушина о новгородском землевладении». Эти работы сохранились в рукописи, относятся к истории Новгорода и посвящены анализу землепользования в Новгородской земле в XV веке. Рукопись исследования была опубликована в 1994 году.

Эта работа была высоко оценена специалистами, в том числе, известным историком академиком Яниным. Вот что он, в частности, писал по этому поводу: «Андрей Николаевич сам неоднократно рассказывал своим ученикам о конце своей 'карьеры историка'. Когда работа была доложена им на семинаре, руководитель семинара профессор С.В. Бахрушин, одобрив результаты, заметил, однако, что выводы молодого человека не могут претендовать на окончательность, так как 'в исторической науке каждый вывод должен быть обоснован несколькими доказательствами'. Впоследствии, рассказывая об этом, добавлял: 'И я решил уйти в науку, в которой для окончательного вывода достаточно было одного доказательства'. История навсегда потеряла гениального исследователя, а математика приобрела его».

И правда, кто?

Почти 22 года ректором МГУ был известный математик, академик И.Г. Петровский (1901-1973). Однажды ему принесли на подпись список противопоставлений при поступлении на механико-математический факультет. Увидев среди них «шизофрению», он с удивлением воскликнул: «Кто же тогда будет делать математику?»

Дорогие юные юзеры, сегодня мы с вами продолжим сет наших передач. Топик нашей сегодняшней программы — кошки.

Посветите девайсиками, у кого из вас есть кошка? Любая модель? Молодцы. Да, у меня тоже есть. Конечно. Азиатской сборки, исключительно тонкая работа. Нет, фоткать её нельзя. И гладить нельзя. Вовочка, убери руки, если они тебе дороги. Положили все девайсы на парты, слушаем лекцию.

Неправильно считают, что чёрная кошка в тёмной комнате — это тайна, покрытая мраком. На наших прошлых уроках вы узнали, что у нас всех есть фишки и гаджеты, в которые встроены разные апплеты. Вот и у кошки они тоже есть, причём одни из самых навороченных в мире животных, и самые навороченные — из животных, приаттаченных к человеку.

Главная фишка кошки, разумеется, няшность. Тут много говорить не надо, все не раз её загружали. Для многих юзеров кошка ограничивается няшностью, однако продвинутые пользователи знают, что это далеко не единственная её фишка.

Еще какие фишки вы знаете? Смелее, смелее. Да, Вовочка? Мурлыканье. Правильно, мурлыканье — это встроенная фишка. Она находится в головошее кошки и запускает попеременные звуковые колебания при вдохах и выдохах. Есть мнение, что для кошки мурлыканье прибавляет пойнты к атаке: усыпив мурлыканьем внимание жертвы, кошка тут же с ней расправляется. Не волнуйтесь, человек на этот апплет не подписан.

Еще одна важная фишка кошки — честно скажу, мы не знаем, где она у неё прошита, это аттракция ко всякой пустой коробке. Кошачье абилити влезать в коробку, независимо от размера даёт плюс пять к няшности.

Никогда полностью не закрывайте кошку в коробке! Кошка должна выглядывать наружу хотя бы одним глазом. Именно в этом состоянии няшность кошки стремится к бесконечности. В то время как в закрытой коробке кошка может перейти в нестабильное квантовое состояние, известное как состояние Шредингера. На этом уровне кошка не юзается, тут требуется помощь админа. Еще что? Хорошо, я помогу. Также в кошку встроены прыжковый аморти-

затор, включающийся автоматически для приземления при прыжках с высоты. Этот апплет работает на включение мышц лап поочередно, в результате кошка расширяется и отводит энергию падения в сет промежуточных состояний, достигая при соприкосновении с поверхностью приемлемого уровня скорости. Амортизирующий апплет даёт кошке плюс сто к выживаемости при падении с высоты, вплоть до высоты макрозэтажного дома. В прыжке и падении кошка задействует также гироскопический апплет, позволяющий ей всегда приземляться на четыре лапы. Этот апплет зашит в хвосте кошки, именно вращением хвоста и хребта кошка восстанавливает направление себя по перпендикуляру к поверхности. При этом амортизирующий апплет запускает функцию сведения лап и выпуска когтей для окончательной фазы приземления.

Ира, прекрати немедленно это ми-ми-ми! Оставь мою кошку в покое — настройки не сошьёшь, так интерфейс попортишь! Себе разумеется, не кошке же!

Какие еще фишки? Что? Какая еще искренности? Нет у кошек никакой искренности! Ах, искристость! Это есть — если вы гладите тёплую кошку в сухой комнате, вы непременно получите искру. Электрическая искра может здорово ударить по руке, если кошка раньше не двинет вас лапой. Внимание! Никогда не пытайтесь получить промышленное электричество из кошки. Одна из величайших научных катастроф прошлого, всё еще засекреченная, произошла, когда учёные сконцентрировали в ограниченном помещении критическое количество кошек для одновременного глажения. Через некоторое время лаборатория просто исчезла с лица земли, её разорвало на элементарные частицы. Ничего от тех учёных не осталось.

Кстати, и перезагружать кошку не пытайтесь. Да, в каждую кошку прошито девять перезагрузок, но выполнить их может только специалист. Если ваша кошка требует ребута, немедленно обращайтесь к админу или в службу поддержки. Немедленно! Запомнили? Хорошо.

Какие еще фишки? Всё? Да что вы говорите? А встроенная система навигации? По некоторым сведениям, работает

лучше Джипиэс и Глонасса. В ходе эксперимента, когда кошку и её хозяина отвезли в неизвестное место за двести километров от дома, кошка домой вернулась, а у её хозяина разрядился телефон, кончились деньги и испортилось настроение, и он завис на промежуточном хостинге. Да, завис и всё. Пришлось перезагружать систему.

Тише, тише. Возвращаемся к устройству кошек. Наконец, встроенная система распознавания и оповещения о природных багах: землетрясениях, наводнениях, извержениях вулканов и такого прочего. Полагают, что эта фишка законнекчена с искристостью — кошки считывают общую атмосферную искристость и действуют в соответствии. Многие кошатники давно используют эту фишку в целях раннего предупреждения о налётах вражеской авиации и убегают в убежище еще до того, как зазвучит общегражданская сирена. Кстати, что-то моя кошка забеспокоилась. Что, моя маленькая? Идти пора?

Всё, дети, урок закончен.

И помните, мы не смеёмся над теми, у кого нет кошки. Невежливо говорить, что они лохи и всякие прочие грубые слова. Правда, Вовочка? Мы же с вами вежливые юзеры.

Мрр-мя.

из книги "КОТЫ. ИНСТРУКЦИИ"

Виктор Перельман

Рассказ о Полине, девушке с неблагозвучным отчеством

Ляля Нисина

(окончание со стр.5)

Сашин непьющий друг, который весь вечер гонял на микроавтобусе от Полининого дома до кафе и обратно, отвёз их в гостиницу. И конечно, Поля в ту ночь не вспоминала о своём отчестве. И вообще ни о чём не вспоминала, потому что для неё во всём мире был один Саша. А для Саши — только она.

Но пришло утро, а с ним и хлопоты. В половине двенадцатого к ним в номер постучалась тётя Бася: «Молодята, мне очень жалко вас будить, но на двенадцать придет парикмахерша! Мама, конечно, сядет первая, а потом поедет в кафе столы накрывать. Так что, у тебя Поленька, есть время одеться и выглядеть так, чтобы всем показать, как ты своим мужем довольна!»

Одевались Саша с Полей под ворчание тёти Баси, которой не терпелось поделиться, какие крали в Москве пять на рубль в базарный день. А уж та, на которой Сашин дядя женился — вообще «ни кожи, ни рожи».

Платье у Полинки было новое, специально для второго дня свадьбы пошитое: розовое с белыми цветами яблоневого цвета и малюсенькими листочками по подолу и по краю рукавов. И шло ей платье это, ну, просто очень, а уж Саша с неё глаз не спускал, всё время под локоть поддерживал, либо за талию обнимал. Опять веселились они до самого вечера. Уже совсем поздно сидели они всей семьей кто с салатом в тарелке, кто с мясом жареным, а кто уже со стаканом чая или кофе. Дядья Сашины уже домой в Городковку укатали, и московского гостя с женой с собой забрали. Только родители Сашины остались и тётя Бася с париком. Тут Аркашка набрался храбрости и объявил: «Я буду из армии увольняться и на выезд документы подавать! В Израиль поеду, там военные нужны, который год страна ото всех арабов отбивается!»

Ну, чтоб сказать, что от Аркашкиного заявления половина присутствующих подавилась, а у второй половины просто в горле застряло — значит, ничего не сказать. Ну, откашлялись, водичкой запили, а папы, Гриша с Хуной, и водочки глотнули, закусили. Обсуждали чуть не до утра. И так, и этак, а хорошо не выходило. Уедет Аркашка, за ним родители потянутся, а без Поли они не хотят ехать. Саша — вообще сын единственный, для родителей без него не

жизнь. До хрипоты спорили, а уж водки при том выпили немеряно. А тетя Бася молчала, в спор не вступала, никого не поддерживала, даже странно как-то. Сидела на диване и парик, на абажур от настольной лампы надетый, обхаживала. Наконец, Сашина мама не выдержала и просит: «Тётя Бася, чего ж вы молчите. Уже родите нам хоть какую идею. Ехать или нет?»

Тетя Бася париком полюбовалась и с улыбкой во все золотые зубы говорит: «Дети, я не знаю, где хорошо, но ехать надо!» Ну, прямо не тетя Бася, а сам Шолом-Алейхем.

В ожидании разрешения на выезд Саша с Полей отработали в селе Лепехи еще год. И Полина больше не обижалась на своё отчество. Чего обижаться, если скоро у неё отчества совсем не будет, а будут её в Израиле называть Полайна или еще какнибудь красиво. И дети там будут самые лучшие, самые послушные, все как один со скрипками и в белых кипочках. Саша тоже мечтал, что он в Израиле будет на одну учительскую зарплату семью обеспечивать, а Поля детей растить и супы с котлетами готовить. Родители Сашины о внуках мечтали, как они в парке с ними гулять будут. Видеться будут почаще. У Хуны профессия, что называется, в руках, ему везде работа найдется. Да и Соне не так язык нужен для шитья.

Первой получила разрешение на выезд тётя Бася. И кто бы сомневался, ей всегда счастливый билет в лотерее выпадал: как тираж — так рубль! Вслед за ней прислали документы Поле с Сашей и Сашиным родителям. Поля плакала и ехать без родителей не хотела. «Кэцеле, — басом гудел Хуна, — ты еще здесь посиди пару месяцев и моему внуку дадут бессрочный авиабилет. Подрастёт — туда-обратно кататься будет!»

«Почему билет?» — не понял Саша.

«Потому что она у тебя в самолете родит! Еще два месяца просидите тут — я её не пушу! — пугала Соня. — Не ждите нас, уезжайте!»

«Соня, я тебе обещаю прекрасные роды и здорового внука. Это же не что-нибудь, а таки Израиль, — утешала на прощанье тетя Бася плачущую Соню. — Я прослежу и кому надо дам в этом Израиле просрать, ты меня знаешь!» — кричала она уже из таможенной зоны. Пограничник взял документы.

«Александр Григорьевич! — без запин-

ки громко прочел он и кивнул Саше. — Проходите!»

«Полина, — громогласно начал он, споткнулся, перечитал по себя, покраснел, потом полущёпотом по слогам повторил, — По-ли-на Хун-нов-на, это, извините, Полина, проходите».

Так осталось отчество Полины Попивкер на паспортном контроле в городе Киеве.

Через четыре месяца в Израиль вылетела Соня, отправив багаж и оставив Аркашку и Хуну заниматься продажей кооператива, машины и гаража. Поле оставалось доходить неделю, и Соня торопилась. Но внучка её решила всё по-своему, и появилась на свет, когда бабушка летела над Чёрным морем. Тётя Бася выполнила своё обещание и орала на весь госпиталь. Перепуганные акушерки привели врача, понимающего по-русски, который перевёл, что пожилая дама посылает всех в туалет побольшему, чтобы ничто не мешало им выполнять свою работу быстрее.

Обычно, после свадьбы героев, автор повествование заканчивает, потому что жизнь после свадьбы — уже совсем другая история. Наша история о девушке Полине, которая стеснялась своего отчества, закончена. В Израиле действительно нет отчеств и все называют её по имени. У них с Сашей уже двое детей, и у Аркаши скоро будет двое. Бабушка Соня с удовольствием нянчит внуков. Сашины родители тоже души в малышах не чают. Школьники в Израиле, правда, оказались не совсем такими идеальными, как мечталось Полине, да и на одну учительскую зарплату не очень развернёшься. Но это, повторюсь, сюжет другого рассказа.

К Аркашиной свадьбе тетя Бася купила новый белокурый парик с длинными как у русалки волосами. Там на свадьбе, она познакомилась со своим женихом, переселенцем из Аргентины. Через два месяца тетя Бася в новом парике стояла под хупой. И, представьте себе, тётя Басиною мужа зовут Хуан. Вот и не верь в Б-жье провидение и в судьбу.

Да, а Васька Гмыря женился на Ольеньке Шлехтер и переехал жить на историческую родину жены. Они обосновались неподалеку и часто приезжают в гости. Васька всегда привозит Поле цветы и, вручая очередной букет, улыбается: «Цэ вам, Полина Ху...», сами, в общем, понимаете.

Как мы спасли человечество

Лариса Патракова

Яков Смагаринский

— Который час, Яков?

Мы стояли с ним по щиколотку в песке в триста двух километрах от Сиднея на безлюдном пляже прелестного городка Форстера, что на 32-м градусе 10-й минуте 48-й секунде южной широты и 152-м градусе 30-й минуте 45-й секунде восточной долготы.

— Между прочим, — не удивилась я, — двенадцатый месяц и двенадцатый год! Жаль, что сегодня не двенадцатое, а двадцать первое декабря.

— Боже мой, начинается! — прошептала я.

Я с удивлением посмотрела на него: — Ты забыл про обещанный 21-го декабря конец света?

Я очнулась первой:

— Нельзя терять ни мгновения! Единственный способ спасти мир это... —

— Целуй меня! Прямо сейчас! Двенадцать раз! Со всей любовью и нежностью!

С последним поцелуем мы открыли глаза. Чернота исчезла, как и не бывало. Конец света не получилось. Уже навсегда. Грядущие поколения могут не беспокоиться.

Вот так просто, но бесконечно надёжно мы спасли человечество.

P.S. Почему мы указываем так точно место, где мы целовались?

Чтобы благодарное человечество воздвигло памятник, где положено, не отклоняясь от истины.

Я достал мобильный телефон:

— Двенадцать часов двенадцать минут! — ответил я. — Интересное совпадение!

— Ничего не жаль: это же двенадцать наоборот! — возразил я. Лариса неотрывно смотрела на океан. В её неожиданно расширившихся глазах, как на цветной фотографии, отражались ближние пенистые волны, а за ними безграничная даль океана. И там, у самого горизонта я заметил узенькую чёрную полосу на всю ширину глаз.

Я переспросил:

— Что начинается?

Я повернулся к океану. Вдали по всему горизонту действительно протянулась чёрная полоса. Она быстро увеличивалась и приближалась. Неужели это та громадная волна, которая повергнет мир в катастрофу? Две минуты мы стояли парализованные безысходностью и отчаянием. За это время чернота покрыла пол океана и пол неба. Ещё две минуты и солнце исчезнет навсегда.

Её руки обвили мою шею.

Мы целовались двенадцать раз, как впервые в жизни, или, наверное, как перед концом света, — неистово, страстно, до погружения в другое пространство...

10 СЛУЧАЕВ, КОГДА ОТСУТСТВИЕ ИЛИ НАЛИЧИЕ ЧЕГО-ЛИБО НЕ ДАЛО СВЕРШИТЬСЯ ТОМУ, ЧТО ЗАМЕТНО ИЗМЕНИЛО БЫ МИР К ЛУЧШЕМУ

Михаил Рабинович

1. Однажды некий студент А. возле автобусной остановки решил купить газету, но у него не оказалось мелочи, и он купил толстую книгу, в которой, однако, оказалось написано только бе-бе-бе, на всех трёхстах семидесяти пяти страницах только бе-бе-бе, на всех, не считая тех, где виднелись неясные картинки с изображениями обнажённых и частично одетых женщин, хвалебные отзывы об этой работе известных критиков Утюгова и Матюгова и следы левой лапы и хвоста толстого кота директора типографии, где эта книга была напечатана, — а ведь если бы у студента А. мелочь нашлась бы, то он, возможно, не пропустил бы в купленной газете статью, посвящённую четырем видам бесконечности: а) цветной, б) геометрической, в) морально-нравственной, г) попадающей под принятые недавно большинством голосов поправки и ограничения — и это было во вступительной части газетной заметки, — понятно, что студент продолжил бы чтение и ему, обычно бестолковому студенту, эта бумажная полоса, несмотря на сложность для восприятия, напомнила бы детство, когда он привязал к хвосту в то время еще худого, а не толстого кота директора типографии, который уже и тогда был директором, и задолго до этого — был, записку «Здравствуйте, люди», и студент захотел бы повторить эту запись, или сделать бы новую, тоже доброжелательную, но увы, увы, увы, увы...

(окончание на стр.16)

Сестрички и другие чудовища (отрывок из книги)

Андрей Жвалевский, Игорь Мытько

Краткое содержание книги, в которой всё началось

Ну, короче, книга называется «Здесь вам не причинят никакого вреда», не знаю, почему так назвали, никакой связи с содержанием. Там была такая Мари, она полицейская. Ну, как полицейская... Она училась на полицейскую, а её отправили в Кошмарную полицию... Нет, не страшную, а Кошмарную... Ну, кошмаров они ловят, вот дурья твоя башка! Каких-каких... Разных! Например, Полоскрип полом скрипит, а Лифтогрыз... Ты знал! Я вообще не буду рассказывать!

Ну ладно. Вот, а ещё там был такой кошмар — Кококлокль, он как петух, но три головы с зубами и перья острые, как ножницы, потешный, короче. Но это всё ерунда и мелочь, потому что Мари Омордня ловила с Георгом. Он реально был страшный, людец целиком глотал! Что?.. Да нет, глотал Омордень, а Георг — это начальник Мари, он такой грустный, одинокий... Смешной, короче. И вот они все вместе — Мари, Георг, Жанна и лейтенант О. — решили... Ты чем вообще слушаешь?! Жанна — она вместе с Мари учится, а лейтенант О. — их препод... Зовут его так — О. Не знаю, кто его так назвал, кто назвал, у того и спрашивай!

Так вот, победить Омордня смогли только Мари и Ирэн... Ты меня доведёшь сегодня! Ирэн — это сестра-близняшка Мари!.. Нет, не полицейская, просто близняшка. Они Омордня пополам порвали... Если такой остроумный, то сам читай, не буду ничего рассказывать! Так вот, Мари и Ирэн всех кошмаров поймали, и что будут делать в новой книге, я прямо и не знаю. Придумают что-нибудь, близняшки же умненькие няшки.

Записано со слов одной читательницы

Страшнее кошки зверя есть

— Поберегись!

Высоченная, метра в два с половиной стопка застиранных бело-серых полотен, предположительно портянок, накренилась и ухнула на то место, где секунду назад стояла Мари.

В случае опасности старший курсант Высшей школы полиции могла за секунду преодолеть до 10 метров в длину с места. Поэтому когда за спиной Мари поднялся клуб феноменально сухой пыли, она уже стояла у стола (скорее всего под залежами пиджаков и брюк был стол) и осматривала ошеломительный даже для Георга бардак.

На мгновение девушка подумала, что инспектор решил навести в своем доме порядок, но затем изменила мнение на более реалистичное.

— На крупного зверя пойдёте?

Георг обвел затуманенным взором окружающее пространство и пространства как такового не обнаружил. Вместо пространства вокруг инспектора высились груды обмундирования, обуви, носков, ботинок, сломанных наручников и носовых платков. То есть носового платка — он был один. Но большой.

— Что-то типа того, — как мог конкретно ответил старый полицейский.

— В одиночку нельзя, — сказала Мари.

— По инструкции на опасных кошмаров надо ходить с отрядом спецназа. Давайте хотя бы я пойду.

Георг сфокусировался на лице Мари. «Давай! — прочитала курсантка в его взгляде. — А ещё лучше — давай ты вместо меня!»

— Не получится, — после короткой внутренней борьбы сказал инспектор. — Должен идти я один. Это приказ.

Мари покачала головой. Она всегда точно выполняла приказы и строго соблюдала инструкции. За исключением ситуаций, когда приказы и инструкции противоречили друг другу.

То есть почти всегда.

— Один вы не пойдёте, — прямо сказала она прямому начальнику.

— Я уже ходил один. Еле ушёл, — Георг что-то посчитал в уме. — Пять лет уходил. И три месяца. И две недели. И пять дней.

— Ого, — сказала Мари. — Кто это вас так долго? Завсехный Мститель? Совестьливый Угрызатель? Неубиваемый Органайзер?

— Бывшая жена, — сказал инспектор. — К ней и иду.

Мари по-новому посмотрела на кучу вещей вокруг Георга.

— Забаррикадироваться — это не вы-

ходить. В голове инспектора мелькнуло: «Это не выход... это идея!», но он не дал себя обмануть.

— Надо идти! — твёрдо произнёс он. — Но для начала нужно найти второй носок. И вообще... как думаешь, в чём лучше к ней идти? Давай устроим мозговой штурм.

На мозговой штурм ушло сорок минут, из которых тридцать был не штурм, а подкоп, посредством которого искали два одинаковых носка Георга (кончилось тем, что Мари сбегала в магазинчик за углом и принесла новую пару). Из одежды решено было остановиться на парадном мундире, покрытом ровным слоем пыли, а значит почти ненадёжным.

Георг посмотрел на себя в зеркало и остался недоволен.

Мари намочила большой носовой платок и протёрла зеркало.

После этого инспектор повторил осмотр и буркнул:

— Чай не жehниться иду, сойдёт. Кстати, а ты чего заходила?

— Понимаете, Георг, у меня к вам просьба...

(продолжение на стр.11)

из книги “КОТЫ. ИНСТРУКЦИИ”
Виктор Перельман

(продолжение со стр.10)

— Вот она! — сообщила Ирэн, открывая дверь ногой.

Ногу она использовала не из невоспитанности, а потому что руки были заняты корзинкой.

— Ммммау... — сказала корзинка.

— Очень приятно, — недовольно ответил Георг. — А чего вы её сюда притащили?

— Как?! — возмутилась Ирэн. — Сестрёнка вам ничего не сказала?

Из последующего выяснения отношений инспектор смутно понял, что кто-то (скорее всего Ирэн и Мари) отправляется на выходные на море. И кое-кто (наверняка Мари) должен был попросить кого-нибудь (методом исключения — Георга) посмотреть за этим милым зверьком (видимо... ну да... наверное)...

— Мммммной, — не оставила места сомнениям Дина, уже сидящая на корзинке.

— Вот радость-то! — мрачно прокомментировал Георг.

— Я так и думала, что вы согласитесь!

— Ирэн чмокнула полицейского в малобритую щёку и сунула ему в руки кошку.

Дина ловко извернулась и оказалась на полу, а мундир Георга оказался в шерсти. «Придётся стирать, — подумал инспектор, — хорошо, что с женой встречаю завтра. Или сегодня? Нет, в четверг! А сегодня что?»

— Только её покормить надо! — вывела Георга из задумчивости Ирэн.

«Жену?» — чуть не спросил инспектор, но вовремя прикусил язык, увидев, что Мари выкладывает из вещмешка красивые кормовые пакетики. Еда для хвостатых туняедек издали выглядела привлекательней, чем большинство продуктов в холодильнике полицейского.

После подробного инструктажа по технологии кормления кошки, из которого Георг запомнил только, что еду надо класть в одну миску, а молоко наливать в другую, сестрички собрались уходить.

— Всё, Динка, пока, не скучай... Динка! Динка, ты где? Неужели ты не выйдешь попрощаться со своей кормилицей?

Прощаться с кормилицей никто не вышел. И встречаться с кормилицем тоже.

— Где она? — сердито спросила Ирэн. — Почему я её не вижу?

Георг развел руками и пожал плечами, став похожим на печальное пугало.

В высокогорьях инспекторского имущества мог бесследно исчезнуть средних размеров ленивый тигр, не то что маленькая непоседливая кошка. — Кис! — потребовал полицейский. — Кис! Ирэн и Мари наградили его сочувственным взглядом.

— У вас никогда не было кошки, — сказала Ирэн.

— Нет, — ответил инспектор. — А как вы догадались?

Сестры переглянулись, ничего не ответили и принялись осторожно прочёсывать местность.

— Динка, зараза, — ворковала Ирэн, — найду, ушки на затылке завяжу!

— А кто хорошая кошечка? — строго спрашивала Мари. — Кому тёплой сметанки?

— А у меня тут блохи! — присоединился к поискам Георг. — А у меня тут клещи!

Ирэн испуганно посмотрела на Мари, но та отмахнулась с таким небрежением, что Георг чуть не объявил ей зыскание за неуважение к старшему по званию, выраженное невербальным способом.

— Динка так прятаться умеет, я её иногда полдня найти не могу, — то ли пожаловалась, то ли похвасталась Ирэн. — Хорошо хоть птицы прилетают на карниз, как прилетят, Динка тут же на подоконник и давай их ловить!

— И много поймала? — иронично спросил Георг.

— Восемь, — рассеянно сказала Ирэн. — Или девять. Я ж их не считаю.... О!

Георг, у вас есть птицы?

— Птицы, — повторил Георг.

— Ну или ещё какая живность, чтобы Динку выманить?

— Нет у меня никакой живности, — сказал Георг. — Не надо мне.

Мари резко выпрямилась.

— Инспектор, — сказала она, — а ведь есть живность-то!

И выразительно посмотрела на двери в чуланы.

До стукачей удалось достучаться с первого стука.

— Чевои? — спросили из правого чулана.

— А Вислоух не поздоровался! — тут же заложили из левого.

— А Кривоzub на своих стучит! — завершил перекличку средний.

— Амнистию хотите? — спросил инспектор.

Из дверей синхронно высунулись три живописные мордочки барабашек.

Ирэн открыла рот. Георг решил, чтобы завизжать от ужаса, но ошибся: девуш-

ка принялась визжать от восторга:

— Ах, какие умнички! Ах, какие мохнатенькие! А идите ко мне, я вас за ушком почешу! Барабашки заурчали и дружно бросились на ласковый голос, разгребая брошенное на пол барахло, как маленькие ледоколы. На третьем шаге ледоколы превратились в подводные лодки, и их траекторию можно было отследить только по бурнам вздыбленных вещей. Ирэн продолжала сулить неземные наслаждения «умпумпусикам», субмарины двигались всё быстрее... пока не нарвались на противолодочный корабль.

— Ай-яй-яй! — Вислоух выскочил на поверхность, придерживая ухо рукой, и скрылся в чулане.

— А оно кусается за... — Кривоzub не успел даже закончить донос, ныряя за дверь.

Наступила тишина.

— Их же трое было, — прошептала Ирэн.

— Один остался, — ответил Георг таким же таинственным шёпотом.

— Сейчас принесёт хвастаться, — завершила оперативное совещание Мари.

Они замерли. Георг почувствовал необычайное единение их поисковой группы.

«Может, — начал думать он, — нам с женой стоило кошку завести? Мы бы тогда...»

— Ох, зверя... — донеслось из глубин барахольного океана.

За стопкой кителей зашуршало, и в центр комнаты важно вошла Дина, волоча в зубах потрепанного барабашку.

— Зверя злодейская, пусти меня... — бормотал барабашка, цепляясь ножками и ручками за встречные предметы.

— Пусти, окаянная...

— Кошка! — взревел Георг. — Фу, кошка, фу! Нельзя!

Дина остановилась и задумчиво посмотрела на Георга.

— Чё сразу фу? — обиделся барабашка. — Мылся я! Года не прошло, как в ведро упал...

— Брось! — настаивал инспектор. — Кинь бяку!

— Чё это бяку? Как стукач, так сразу бяка? Дискриминация, таво-этава!

Георг решил сменить тактику:

— А ну и ладно. Ну и ешь! У меня этих стукачей — полный чулан!

(продолжение на стр.12)

Сестрички и другие чудовища (отрывок из книги)

Андрей Жвалевский, Игорь Митько

(продолжение со стр.11)

Дина с сомнением скосила глаз на барабашку. Мари и Ирэн, перемигнувшись, стали неслышно заходить Дине за спину.

— Да их у меня, как собак нерезаных! — продолжал полицейский.

Дина слегка пошевелила челюстями. То ли сжала добычу покрепче, то ли решила выплюнуть.

— Да их, как мышей в подвале! — решил развить успех Георг и тут же понял, что сравнение с мышами было неудачным.

Дина заурчала и придавила барабашку лапой.

— Ох, — простонал тот, — зверя! Я не вкусный! Во, гляди!

С этими словами он укусил себя за руку и очень правдоподобно скривился. Дину это, кажется, не убедило, но в ту же секунду её с двух сторон подхватили четыре руки и подняли в воздух. Барабашка затрепетал, как переходящее Красное знамя.

— Диночка, солнышко! — Ирэн ласково чесала кошку под подбородком. — Отпусти ты это... ещё неизвестно, где оно ползало!

Барабашка обиженно сверкнул глазом, но решил пока промолчать.

— А мы тебе сметанки дадим! — вторила сестричке Мари, почесывая кошкин нос. — Тёпленькой. Георг, у вас есть тёпленькая сметанка?

— В холодильнике! — почти не соврал инспектор.

Вообще-то в холодильнике у него стояло молоко, но стояло оно так давно и безнадежно, что наверняка стало сметаной или даже тёплой сметаной — компрессор в последнее время работал с некоторыми фокусами.

Дина нежилась и урчала, как довольный телефон в виброрежиме, но зубов не разжимала.

Георг попытался осторожно извлечь добычу из пасти. Тембр виброрежима сменился на мотоциклетно-угрожающий.

— Ладно, — сказала Мари, — ты сама захотела. Георг, вы готовы?

— К чему? — удивился инспектор.

— Щёлк! — щелкнула Мари Дину по носу.

— Мявк! — оскорбилась Дина.

— Шмяк! — ударился о пол барабашка.

— Плясь! — запоздало хлопнул в ладоши Георг, пытаясь поймать барабашку в падении.

(Поскольку всё это произошло почти одновременно, итоговый звук можно было транслитировать как «Щёлк-Плясь!»)

— Ты ж амнистию обещался! — завопил получивший свободу заложник.

— Не обещал, — поправил его инспектор, — а уточнял: хотите или нет. Теперь точно знаю — хотите!

Барабашка насупился, не глядя, сунул в карман один из валяющихся на полу носков и засеменял в чулан.

Дина грустно посмотрела на упущенную добычу, потом на Георга.

— Ну, — спросила Мари, — так что насчёт тёплой сметанки?

Однако субстанция в пакете из-под молока уже прошла стадии сметаны, масла, сыра и вступила в фазу «ойчтоэ-тозадранья».

— Что-то негигиенично у вас, Георг, — сказала Ирэн. — Прям антисанитария какая-то. Барабашки эти опять же.... Они, конечно, мимими, но наверняка прививки им вы не делали?

— Не делал, — осторожно подтвердил Георг, боясь поверить своему счастью. — Негигиеничные они.

— В общем, не оставляю я здесь Динку, — решила Ирэн.

— Вот ведь жалость какая, — фальшиво сокрушился инспектор. — А я уже как-то успел к ней привыкнуть... В общем, я буду скучать.

— Скучать нельзя, — сказала Ирэн. — Дина останется у меня дома, а вы будете приходить её кормить.

— Видите, как всё удачно получилось, — сказала Мари.

***

Возмущенное «Мяу-а-а-а-у!» Георг услышал ещё в подъезде дома Ирэн.

«Ишь, как оголодало кошачье, — подумал он, шаря в карманах в поисках ключей. — А ведь всего сутки прошло. А если бы я забыл про неё? Что тогда?..»

Телефон пикнул.

«Георг! Вы уже должны её кормить!

Она жива? Ответьте немедленно! Я волнуюсь!»

— Мяу-а-а-а-у! — не унималось за дверью кошачье.

«Поживее меня будет», — набрал на мобильнике инспектор, стараясь вложить в текст максимум сарказма. После чего немного приврал: «Уже кормлю. Уже ест».

«Тогда я спокойна. Мы ушли на море, мобильники не берём, так что не звоните и не пишите. Поцелуйте её от меня».

— Сами целуйтесь со своей кошкой, — пробурчал Георг, нашёл ключи (они с самого начала были у него в левой руке) и отпер дверь.

— Мяу-а-а-а-у! — сказала Дина и принялась путаться под ногами. По дороге к холодильнику инспектор трижды запнулся, четырежды чудом не наступил на хвост (если бы не разулся, точно бы наступил) и один раз подавил огромное желание запнуть животное на кухню, где сразу и накормить.

Пока Георг не понимал, как вскрываются эти идиотские пакеты, потом понял как, кошка устроила целую Формулу-1, нарезая круги и восьмерки всё быстрее и поднимая высоту мява до предсмертного писка.

Наконец розовый пластиковый поднос, уставленный кошачьими кушаньями, был торжественно поставлен перед Диной. Та посмотрела на поднос, подняла голову и устремила на Георга полный жалобного недоумения взгляд.

— Что? — спросил Георг.

— Мяу-а-а-а-у-а-у-а-у! — ответила Дина.

— Что мяу?! — оскорбился полицейский. — Вот еда, вот и ешь!

Он ногой пододвинул поднос к кошке.

— Мяу-а-а-а-у-а-у-а-у!

— Меня это не касается! — отрезал Георг. — Я пошёл.

Но представил следующую смс от Ирэн: «Она поела? Она всё съела? А вы целовались?» и не пошёл, а попытался ногой пододвинуть кошку к подносу.

Дина развернулась как змея и цапнула инспектора за ногу.

— Ай-ё! — сказал Георг.

— Мяу-ой! — сказала Дина и вышла из кухни.

(окончание на стр.13)

(окончание со стр.13)

Полицейский задрал штанину. На лодыжке наливались розовым отметины кошачьих клыков.

— Вот и вся благодарность, — горько произнёс Георг. — Всё, подлая кошати-на, корми себя сама.

Он вышел в прихожую, глянул в зеркало... что такое...

— У меня что, — недоверчиво сказал Георг, — левое ухо больше правого?

Он поворочал шеей, устраивая голову под правильным углом. Теперь вроде правое ухо было больше. Продолжая смотреть в зеркало, Георг потянулся к ботинкам...

В первую секунду ему показалось, что обувной полке сидит популярный кошмар Глаза В Темноте. Во вторую — что сидит он там не один, а с напарником — кошмаром Утробное Рычание. Но действительность оказалась куда страшнее: между инспектором и его законными ботинками оцетинилась Дина.

— Уйди, зверя! — приказал Георг, неприятно напомнив себе давешнего барабашку.

— Уррррррр... — кошка рычала на низкой, как потолок в парижских катакомбах, ноте.

— Это мои ботинки, ясно?

Не прекращая рыка, Дина приветливо распахнула пасть. И зашипела. Все, кто впервые слышат смесь кошачьего рыка и шипения, бывают впечатлены. И стараются больше никогда в жизни подобного звука не слышать.

«Надо позвонить этим... хозяйкам, — малодушно подумал инспектор. — Пусть угомонят свое животное».

Стараясь не делать резких движений, Георг набрал Ирэн. Потом Мари. В пустом номере далекого отеля прозвучали две мелодичные, но безрезультатные мелодии.

Инспектор чертыхнулся. Кошка увеличила громкость на одну десятую децибела. Георг попятился и споткнулся о тапки.

— Вот я ужо тебя, — сказал он не слишком уверенно. — Тапком.

Дина перестала рычать и перешла к акустически чистому шипу. При этом она сгруппировалась и принялась мотать попой туда-сюда, как будто собиралась вцепиться Георгу в горло. Один из далеких пещерных предков инспектора в подобной ситуации упал на пол пещеры, что и спасло его от клыков саблезубой прапра(248 раз)бабушки Дины.

Георг жил в просвещённое время, когда в пещеры можно попасть только на дорогостоящей экскурсии с многоговорящим гидом. Поэтому он заскочил в комнату, захлопнул за собой дверь и ловко задвинул её креслом.

— Пошипи ещё у меня! — крикнул он из укрытия и прислушался.

Дина шипела, но Георг не был уверен, что она выполняет его приказ.

Он осмотрелся. Телевизор есть. Дивиди подключен. Пульты... Где пульты? Ага, на месте между валиками второго кресла. Ужасная смерть от сенсорной депривации инспектору не грозила. Он упал в кресло, полистал телеканалы, потом врубил дивиди, в котором стоял диск с ужасиками и принялся профессионально кривиться.

— Ну, братцы, так нельзя... Ну что это за кошмар? Это дилетант какой-то, а не кошмар! Вылез на улицу, а надо было в подвале сидеть... Вы бы хоть консультанта наняли, что ли... А ты куда побежал? Это ж Догоняющий Настигатель! Тут уж беги не беги...

Рутинная картинка убавкала Георга. Он задремал и увидел во сне, что никак не может заснуть и поэтому считает в уме кошмаров. Инспектор добрался до Удавки Шелковистой, но почему-то не перешёл к следующему кошмару (кажется, это был Сосулепад Обыкновенный), а подозвал Удавку поближе. Та с готовностью скользнула к его руке и потёрлась о ладонь.

— Хорошая Удавочка... — бормотал Георг во сне, — мягенькая... шелковистая...

И вдруг понял, что уже не спит.

В комнате было сумрачно и тихо, экран телевизора слабо светился в энергосберегающем режиме, допоказавший себя диск с ужасиком торчал из дивиди. Кажется, никого...

Опытный полицейский терпеть не мог, когда ему что-нибудь казалось.

Инспектор предельно осторожно оглянулся на дверь, которую он забаррикадировал креслом. Дверь была открыта на ширину щели, в которую как раз пройдет смертельно опасное животное, по ужасному недоразумению считающееся домашним.

«Креслице отодвинула и пришла, — с нарастающей паникой подумал Георг. — Зверя...»

Сбоку мелькнуло, и на колени инспектора вспрыгнула кошка. Посмотрела в вытаращенные глаза кормильца, чуть потопталась и улеглась, подобрав под себя лапки.

Георг, поражаясь собственной смелости, протянул руку и принялся чесать Дину за ушком. Кошка зарокотала, как будто проглотила моторчик, приводимый в действие трением.

«Урчит, — подумал инспектор. — Значит, сытая. Наелась и пришла ко мне понежиться...»

— Ну, всё, Диночка, — сказал он мягким командным голосом, — я пойду.

Дина благосклонно зевнула и вцепилась когтями в брюки полицейского. «Может, всё-таки не поела?» — подумал Георг и осторожно, не снимая кошку с колен, пошёл на кухню. При этом он был вынужден согнуться и семенить, напоминая со стороны служителя тайного культа, который собирается принести жертвоприношение на алтарь свирепого бога.

Алтарь, то есть поднос остался нетронутым.

Инспектор сел на стул и продолжил глажку, прикидывая, на сколько минут нежности и ласки его хватит.

На четвертой минуте Дина, ни слова не говоря, соскочила с полицейских колен и набросилась на еду, как будто впервые её увидела.

Инспектор на цыпочках вышел в прихожую, взял там ботинки и китель и выкрался из квартиры.

РРР

из книги "КОТЫ. ИНСТРУКЦИИ" Виктор Перельман

Russkij Samovar (Попытка «Международной панорамы»)

Александр Кондратьев

В Нью-Йорке на 52-й стрит, под хвостом у Бродвея, притаился маленький кусочек России. Ресторан «Russkij Samovar».

Там можно устало опуститься на стул, хрустнуть усталой от небоскрёбов шеей и услышать по-русски: «Чего желаете?»

И поностальгировать о берёзках. Раскатисто, со слезой.

Там наш знакомый бардак. Можно зайти за стойку, налить себе и еще стрельнуть у официанта червонец. Там на стене портреты — Солженицын и Ахмадулина. То ли владельцы дум, то ли просто лучшие клиенты.

И грустный старик поёт «В степи молдаванской». И «Утомленное солнце». И, конечно, «Русское поле».

И негры. Настоящие, вот они, рядом. Плачут, слушая «Русское поле». И тоже, небось, вспоминают березки, снег и беззаботное детство в коридорах института Патриса Лумумбы.

У нас ведь душа как у них. Мы тоже не любили белых — с 17-го года.

Россия...

Настойка хреновая, настойка клюквенная. Лыдистая, с инеем. И официанты с какой-то элегической хрипотцой в голосе:

— Пора пельмешки нести, сэ-эр?

Прямо плюшевые официанты. Облако в штанах.

За неимением мест меня столовали у стойки бара, и я слушал все их разговоры.

«Я думал, эта толпа чудаков на 400 баксов наела, а они еще за 200 не перевалили. Сволочь комиссарская».

А потом идут и служат плюшево.

Там в сокровенных, но для общего пользования предназначенных местах, вся та же графика, что у нас. Кроме разве что «ДМБ-95». Ну это я восполнил.

А рядом Бродвей. Разные японцы бегают. Одна старушка совсем меня затолкала. Я ей так вежливо:

— Don't be a bitch, lady!

Я уходил по улице, а она всё стояла и смотрела мне вслед. А потом спросят её дети: мама, что ты больше всего запомнила в жизни?..

Бродвей, театры, девушки на афишах. Это жизнь. Из всех «Нью-йорк таймсов» для нас важнейшим является «Плейбой».

И надо всем ленивый пьяный голос по-русски: «The New York is the large derevnya...»

Эти, в ресторане, всё едят свои пельмешки.

И в глазах их светится гордость: мы в Америке!

А что она, эта Америка?

Их хваленая Уолл-стрит — восемь метров в ширину. Переплюнуть можно. Я, конечно, попробовал. Но не получилось. Я десять минут пробовал, пока полицейский не пришёл.

Вежливо посмотрел. Ну я, конечно, сказал, что у нас в стране, когда нужно измерить ширину...

Кажется, он поверил. Ну страна идиотов, ей-богу! О чем с ними разговаривать!

Скука!

Вот и сидят в «Самоваре» люди с добрыми русскими лицами — смесь меда со скипидаром. И едят пельмешки золотистой вилочкой.

А чего им! Сидят в Америке, думают: может, на Бродвей сходить? А может, лучше еще водки выпить?

Просперити, растак их.

И от этого ощущения начинаешь процветать и процветать. Процветать и процветать, пока в тебе не проснется духовность, а звёзды не начнут двоиться.

Америка у них, видите ли...

Это же возмутительно, когда все дела мира решаются в нью-йоркской бирже размером с Лобненский оперный театр. Попробуйте залезть в оперный театр в Лобне и диктовать миру свои условия. Засмеют же!

Они этого просто не понимают. Вот и диктуют. А их слушают. Это же биржа. Символ.

Америка вообще полна символов.

Надо карабкаться сто метров по ступенькам внутри статуи Свободы, чтобы оказаться в её пыльной, загаженной мухами голове. Вот, мол, вам свобода. К тому же безмозглая.

Еще надо сказать, что вход в эту Свободу — не скажу, с какой стороны, но вы поняли.

А ведь предупреждали их, предупреждали: куда ты, дура... Там Америка.

Долларов тебе не хватает — так их в России больше.

Нет.

Сидят теперь, 52-я стрит угол Бродвея, тянут хреновую настойку.

«И легко мне в степи молдаванской кочевать, никого не любя...»

А к утру и вовсе загул, и накрашенная дама в мехах клянчит у всех 20 баксов до конца вечера. И понятно, что не вернёт, — но ведь хрен кто дал.

На четыре рюмочки клюквенной — а пожадничали.

И уже оркестр сбивается с ритма. Эту черту российского характера мы бережно пронесли сквозь эмиграцию.

«Л-лиловый негр вам п-подает м-манто...»

Пора расходиться. Завтра хромоногие птицы «Аэрофлота» понесут меня на родину.

Значит, пора. Всё. Последний аккорд.

До. Ми. Соль.

Р Р Р

ТВИТЫ

Виктор Перельман

* полуторастияшия удобны тем что рифмовать не ...

* беспилотник — это самосамолёт

* Геббельс подарил фюреру 12 мультфильмов про Микки-Мауса», - говорит радио ... (вот фашисты, хочется сразу добавить)

* ой, дети, дети, дети, как плохо в интернете!

* и ГАИшник добрый даром нас сканирует радаром

* взял под ручку, сделал подножку, сунул подмышку

* мои любимые цвета ты не растащишь на цитаты

* Мужики! Хватит тупить на порносайтах, идите лучше в доноры спермы — то же самое, но вам ещё и приплачивают!

* как прекрасно пишет Википедия: Кохлеозавр — позднекарбонный темноспондил из эдопоидов

Р Р Р

Сними обувь свою... (Из иерусалимских заметок)

Яков Смагаринский

Гуляя по Иерусалиму, я на одной полупустой улице проходил мимо открытой автобусной остановки. Ожидающих никого не было, на скамье одиноко лежали две пары сандалий, мужских и женских, уже не первой свежести, но чистеньких, аккуратно приставленных друг к другу.

Первой пришла мысль: «Кто-то в Иерусалиме заходит в автобус, как в храм, снимая обувь». Вторая мысль была: «Не случилось ли здесь вознесения?» Я задрал голову вверх: «А что? На земле Израиля периодически кто-нибудь да возносится на небо. Пророк Илья вознёсся с горы Кармель, оставив на ней свой плащ. До него где-то в районе горы Хермон был приглашён на небо мудрый Енох, оставивший землянам стопку своих книг. Иисус вознёсся с Еленойской горы, Мухаммед — с Храмовой. То, что они оставили, всем известно. Никому, правда, не было позволено взять с собой жену или невесту. В теперешние же времена, очевидно, праведники возносятся с обычных автобусных остановок, оставляя на скамьях свои полуистоптанные башмаки. И забирают с собой своих преданных подруг».

Вторая догадка оказалась более точной: внимательно присмотревшись, я разглядел в ясном небе две малюсенькие чёрные точки. Они несомненно удалялись. Вознесение было на полпути....

Сергей Федин

Теорема «сосуществования»

$$\forall \downarrow \exists ! \uparrow : \downarrow + \uparrow = \heartsuit \rightarrow \infty$$

(Фольклор)

Формула любви

$$0 + 0 = +\infty$$

стихотворение Боба (Робина) Рубиновича, эсквайра из Канады

перевод Виктора Перельмана

Как вы занимаетесь сексом (или континуумная запутанность)

Во сне у меня разболелась спина

И я пошел в больницу

Доктор сказал:

— расскажите, как вы занимаетесь сексом

Я рассказал, как я занимаюсь сексом

Точнее, как мы занимаемся сексом,

Потому что заниматься сексом в одиночку

не получается

— и это всё? — спросил доктор

— да

— так уже давно никто не делает

— а как делают? — удивился я, — потому что кем-кем,

а уж ханжами в области секса мы точно не были

доктор стал описывать мне,

Как, по его мнению, следует заниматься сексом

Из его слов я почти ничего не понял

то, о чём он рассказывал —

это была какая-то постмодернистская сексология

или, если хотите, нелинейная порнография

или, если хотите, квантовая Камасутра

секс, о котором он говорил

был рассчитан совсем не на нашу анатомию,

на какое-то другое количество дырочек и выступов...

я сказал:

— доктор, Секс, о котором вы говорите,

Рассчитан совсем не на нашу анатомию...

На другое количество дырочек и выступов...

Доктор удивленно посмотрел на меня и спросил:

— а вы что, разве не трансформаусы?

— какие, нахрен, трансформаусы?! —

Мы люди!

— если вы не трансформаусы,

Интересно, что вы делаете в нашей больнице?

— нет уж, блин, — воскликнул я, —

Это что Вы делаете в нашей больнице

Он нацепил стетоскоп —

или как называется круглая блестящая хрень,

которую нацепляют на лоб врачи,

когда хотят рассмотреть что-нибудь у вас получше,

(нет, нет, не стетоскоп, это называется «налобный рефлектор») —

И внимательно осмотрел мою голову со всех сторон

Задержался у левого уха, бормоча:

интэнглмент

интэнглмент

интэнглмент (entanglement, видимо)

квантум-конандрум

протянул руку и будто схватил пальцами какой-то волосок или ниточку

и потянул из меня, слегка подёргивая

(было не больно)

и сон прервался...

И ничего...

Проснувшись, я только обнаружил,

что левое ухо слышит немного лучше, чем прежде

10 СЛУЧАЕВ, КОГДА ОТСУТСТВИЕ ИЛИ НАЛИЧИЕ ЧЕГО-ЛИБО НЕ ДАЛО СВЕРШИТЬСЯ ТОМУ, ЧТО ЗАМЕТНО ИЗМЕНИЛО БЫ МИР К ЛУЧШЕМУ

Михаил Рабинович

(окончание со стр.9)

2. Однажды повар Б. захотел открыть свою дверь, но у него не нашлось подходящего ключа, и он позвонил в соседнюю дверь, где жила красавица будто из сказки, но со сложным и запутанным, как лабиринт, характером, и у неё оказались: ключ, похожий на тот, что от его сердца, половая тряпка, которой она вытирала его следы, ваза для цветов, которые еженощно повар Б. стал ей дарить, знакомая из библиотеки — с ней красавица часто, почти всё время, обсуждала лошадей, жеребцов и пони, а также книга «О невкусной и вредной пище» — она сама любила готовить, а повар Б. практически потерял квалификацию, и профессор, которого Б. накормил у себя на работе, сделал не то важное для человечества открытие, а другое, не открытие вовсе, а просто жалобу на повара, и это очень много времени у профессора отняло, — жалоба, много-много жалоб, и до открытия у него не дошли руки и не было сил, которые до знакомства с поваром Б, были — но увы, увы, увы, увы...

3. У одной дамы на голове не оказалось шляпки, и легкий весенний ветер не сорвал этот головной убор и не понёс его, вначале вдоль дороги, а потом совсем уж куда-то в сторону, и случайный прохожий не бросился за шляпкой, чтобы помочь даме, и другой — не бросился, и третий, и четвёртый, и многие еще не бросились, а все вместе, хотя и абсолютно раздельно, в разные стороны, пошли на работу и сделали там немало ошибок в расчётах, в предварительных предположениях, в выводах из тех ошибок, которые они совершат в дальнейшем, чисто человеческих ошибок и связанных с неправильным использованием техники, компьютеров, электронных приборов, тракторов, динамо-машин, и не только ошибок, но и если не преступлений, то действий, предосудительных с точки зрения морали, нравственности, физических или людских законов: один из прохожих привязал к хвосту кота директора типографии консервную банку с политическими лозунгами, другой спровоцировал дуэль между литературными критиками

Утюговым и Матюговым, но они оба, к счастью, как обычно, не разобрались в прочитанном, промахнулись и написали по критической статье о самих себе и про автора бе-бе-бе, несколько прохожих в кабинетах, уснув в одиночку, пытались присниться друг другу в целях промышленного шпионажа, самый красивый из прохожих разбил в расстройстве зеркало в туалете, а тот, что на тракторе — поехал зигзагами и почти задавил профессора, который в кустах, расстегнув ворот рубахи и брюки, писал очередную жалобу в столовую, а были и такие прохожие, о которых вообще не хочется говорить, несмотря на теплый весенний ветерок, который мог бы сорвать шляпку с головки той самой дамы — и ведь, казалось бы, недорогие шляпки свободно можно купить — в крайнем случае, в комиссионном магазине, — но увы, увы, увы, увы, увы...

Р Р Р

Баня

Александр Кондратьев

Похабная, грязная, порнографическая повесть

Жила-была красивая девушка. По субботам она ходила в баню и мылась там абсолютно голая. Остальное вы придумаете сами, на свой вкус. Вот мы вам место оставили.

